

Санкт-Петербургский государственный университет

На правах рукописи

КУРУШКИН

Сергей Васильевич

**ЦЕННОСТНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС
СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВ
(НА МАТЕРИАЛАХ ИНТЕРНЕТ-СМИ РОССИИ)**

Специальность 10.01.10 – журналистика

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата политических наук

Санкт-Петербург

2017

Работа выполнена в Санкт-Петербургском государственном университете.

Научный руководитель:

доктор философских наук, профессор Сидоров Виктор Александрович, профессор кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета.

Официальные оппоненты:

Иларионова Татьяна Семеновна, доктор философских наук, профессор, ученый секретарь Ученого совета Института государственной службы и управления Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации»;

Савинова Ольга Николаевна, доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой журналистики Института филологии и журналистики Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского».

Ведущая организация: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова».

Защита состоится 04 июля 2017 года в 14 часов на заседании диссертационного совета Д 212.232.17 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 199004, Санкт-Петербург, В.О., 1-я линия, дом 26, ауд. 304.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9).

Материалы по диссертации С. В. Курушкина размещены на сайте СПбГУ (<http://jf.spbu.ru/about/4321/7287.html>).

Автореферат разослан: « ____ » _____ 2017 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Л.Г. Фещенко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Одним из эффектов развития сетевых технологий стало появление сообществ принципиально нового типа.

Сетевые сообщества (под которыми мы подразумеваем совокупность индивидов, реализующих со-интерпретационную деятельность с помощью сетевых технологий и в рамках обозначенного дискурса) как неклассические социальные общности реализуют особые, пока еще мало осмысленные, социальные практики. Зачастую сугубо коммуникативная сущность сетевых сообществ побуждает исследователей «выводить» смысл этих сообществ из особенностей Интернета. Такой подход, безусловно, имеет право на существование, но нам представляется не менее важным изучение сетевых сообществ как собственно сетевых образований, в которых происходит интерпретация политической жизни общества в соответствии с присущими конкретным сетевым образованиям ценностями.

Сетевые сообщества реализуются в рамках ценностно-политического дискурса и являются примером «множества» – коммуникативной общности, реализующей специфический вид деятельности, которую Паоло Вирно назвал «виртуозной»: она нематериально ориентирована и представляет собой совместную интерпретацию медиафактов пользователями. Все это тем заметнее, чем больше людей получают доступ к публичным высказываниям. Ряд исследователей (например, Т. Ван Дейк) доказал, что эта публичность во многом иллюзорна, а доступ к по-настоящему значимым социальным дискурсам контролируется не сетевыми сообществами, а другими элитами¹. Однако сетевое сообщество способно создавать в политическом поле коммуникативные взрывы или «шумиху» – массовое обсуждение, носящее признаки стихийного, выходящее за пределы сетевого пространства и стимулирующее к действиям за пределами сети.

---

¹ Дейк Т. ван. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. М., 2013. С. 90.

Актуальность нашей работы, таким образом, заключается, прежде всего, в необходимости выделить и описать ценностно-политический дискурс сетевых сообществ как неклассических социальных общностей, функционирующих в специфическом сетевом пространстве, но способных выходить за его пределы. Мы полагаем, что в условиях социокультурного раскола, усилившейся конфронтации России с другими странами, ценностных конфликтов этнокультурного характера назрела необходимость всестороннего рассмотрения ценностно-политического дискурса сетевых сообществ в медиасфере. Ценностная интерпретация политических событий сетевыми сообществами может приводить к выводу сообществ за пределы сетевого пространства и радикальному вмешательству в политическую жизнь общества – вплоть до участия в смене власти.

Сетевое сообщество приступает к внесетевым актам в тот момент, когда со-интерпретация в нем характеризуется высокой степенью единства. Процесс со-интерпретации происходит, как отмечали Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф, путем означивания элементов – знаков, которым еще не придано значение. Элементы существуют в зоне дискурсивности, откуда сообщество их выбирает и означивает, тем самым реализуя процесс совместной интерпретации. Лакло и Муфф утверждали также, что дискурсы подвижны (изменяемы) и постоянно борются друг с другом за установление «своего» значения. Если говорить о политических процессах, то сообщества выводят их в публичную сферу, используя для этого дискурс в качестве инструмента артикуляции – «политической публичности как связующего звена»². Таким образом, политическая борьба дискурсов постоянна и для российской медиасферы. В этой медиасфере разнообразные дискурсы, в конечном счете, группируются вокруг двух основных: один из них тяготеет к сакральной политической интерпретации фактов, событий, явлений (подразумевающей наличие высших исключительностей, не допускающей

---

² Хабермас Юрген. Ах, Европа : Небольшие политические сочинения, XI / пер. с нем. М., 2012. С. 109.

полемики, делящей дискурсы по принципу «свой-чужой»), а другой – к профанной политической интерпретации медиафактов (подразумевающей ограничения в виде закона, не допускающей высших исключительностей, тяготеющей к полемике).

В целях изучения сетевых сообществ, определения их политической значимости для медиасферы необходимо выявить и описать возникающий в них политический дискурс как ценностно нагруженную совокупность артикуляционных практик, реализуемых коллективными субъектами. Это, в свою очередь, позволит понять, как именно происходит процесс означивания элементов в сетевых сообществах от момента существования его в области дискурсивности и заканчивая внедрением в соответствующий ему дискурс.

Изучение политического дискурса – тематики и дискурсивных практик – относится к наиболее актуальным задачам политологи. Требуется разработать современные и доработать старые методы анализа политического дискурса, что позволит решить основную, как считают исследователи, проблему – получения «адекватных данных о состоянии общественного сознания, о доминирующих политических установках относительно актуальных общественно-политических проблем»³. Будучи ценностно и идеологически нагруженной, политика как деятельность по управлению пронизывает все сферы общественной жизни и находит отображение в специфических речевых практиках, погруженных в социально-политический контекст. В подобных условиях необходимо смещение смысловых акцентов с того, что С. Н. Плотникова назвала дискурсом политиков (реализуется в политических дебатах, документах, речах и т. д.), на дискурс реагирования, который будет производиться в качестве ответа на дискурс политика⁴. Кроме того, представляется важным

---

³ Баранов А. Н., Михайлова О. В., Сатаров Г. А., Шипова Е. А. Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафорики. М., 2004. С. 4.

⁴ Плотникова С. Н. Политик как конструктор дискурса реагирования // Политический дискурс в России: материалы постоянно действующего семинара / Под ред. В. Н. Базылева, В. Г. Красильниковой. Вып. 8. М., 2005. С. 27.

изучение пограничных состояний политического дискурса, взаимодействие и взаимодополнение его институциональной и неинституциональной частей⁵.

Теоретическая разработанность темы. Среди работ, посвященных политическому дискурсу, заметен крен в сторону изучения его структуры и описания наиболее общих черт. Это работы В. Н. Базылева, Д. Р. Акоповой, Т. И. Красновой, А. Н. Баранова, Н. М. Перельгут, Е. Б. Сухоцкой⁶. В то же время, ряд российских исследователей обращается к изучению политического дискурса в рамках политологической филологии. Здесь стоит отметить работы В. З. Демьянкова, а также исследования метафорической составляющей политического языка и ее влияния на аудиторию⁷. В рамках общей теории дискурса можно выделить три уже упомянутых нами подхода, рассматривающих дискурс на макро-, мезо- и микроуровнях. На макроуровне дискурс рассматривает постструктуралистская теория. Работой, в которой раскрываются основные положения данной теории, считается «Гегемония и

⁵ Перельгут Н. М., Сухоцкая Е. Б. О структуре понятия «политический дискурс» // Вестник Нижневартковского государственного университета. № 2, 2013. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-strukture-ponyatiya-politicheskoy-diskurs>

⁶ Базылев В. Н. Политический дискурс в России // Политическая лингвистика. №15, 2005. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/politicheskoy-diskurs-v-rossii>; Акопова Д. Р. Стратегии и тактики политического дискурса // Вестник нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. № 6-1, 2013. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/strategii-i-taktiki-politicheskogo-diskursa>; Краснова Т. И. Анализ политического дискурса: подходы и категории // Политическая лингвистика. №2, 2013. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/analiz-politicheskogo-diskursa-podhody-i-kategorii>; Баранов А. Н., Михайлова О. В., Сатаров Г. А., Шипова Е. А. Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафорики. М., 2004; Перельгут Н. М., Сухоцкая Е. Б. О структуре понятия «политический дискурс» // Вестник Нижневартковского государственного университета. №2, 2013. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-strukture-ponyatiya-politicheskoy-diskurs>

⁷ Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии. Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. №3, 2002. С. 32-43; Безценная Ж. П. Роль метафоры в политическом дискурсе // Вестник Харьковского национально-дорожного университета. № 36, 2007. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rol-metafory-v-politicheskom-diskurse>; Тибинько Н. Д. Манипуляция в политическом дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. № 3, 2011. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/manipulyatsiya-v-politicheskom-diskurse-1>; Мищук О. Н. Речевое воздействие в политическом дискурсе. // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. № 1, 2013. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rechevoe-vozdeystvie-v-politicheskom-diskurse>

социалистическая стратегия» Э. Лакло и Ш. Муфф⁸, которые, в свою очередь, многое почерпнули из трудов А. Грамши⁹. В рамках данной теории также представляют интерес работы Э. Лакло¹⁰. На мезоуровне дискурс рассматривается через призму критического дискурс-анализа, основными идеологами которого являются Т. ван Дейк¹¹ и Н. Фэркло¹². Наконец, на микроуровне дискурс рассматривает дискурсивная психология в рамках социально-когнитивной теории. Самыми значимыми работами в рамках данной теории являются труды Д. Поттера¹³ и М. Биллинга¹⁴. Отметим также аксиологические работы, помогающие уточнить понятие ценности¹⁵ и раскрывающие методологию ценностного анализа¹⁶. При описании сетевых сообществ как неклассических социальных множеств мы ориентировались, в первую очередь, на работы французских социологов и их последователей¹⁷, а также на работу П. Вирно «Грамматика множества»¹⁸. Выделим также работы, посвященные интерпретации понятий сакрального и профанного¹⁹.

Основная **проблема исследования** строится вокруг следующих вопросов: Как изменяется политический дискурс под влиянием динамики сетевых сообществ? Какие черты присущи ценностно-политическому

---

⁸ Laclau E., Mouffe C. Hegemony and the Socialist Strategy. New York, 1985.

⁹ Грамши А. Избранные произведения в трех томах. Том третий. М., 1959.

¹⁰ Laclau E. New Reflections on the Revolution of our Time. New York, 1990.

¹¹ Дейк Т. ван. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2013.

¹² Fairclough N. Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research. London, 2003; Fairclough N. Language and Power (second edition). London, 2013.

¹³ Поттер Д. Дискурсивная психология. М., 2004. С. 82.

¹⁴ Billing M. Arguing and Thinking: a rhetorical approach to social psychology, revised edition. Cambridge, 1996.

¹⁵ Докучаев И. И. Ценность и экзистенция. Основоположения исторической аксиологии культуры. СПб., 2009; Ильин В. В. Аксиология. М., 2005.

¹⁶ Медиа накануне постсекулярного мира : кол. монография / под ред. В. А. Сидорова. СПб., 2014.

¹⁷ Нанси Ж.-Л. Непроизводимое сообщество. М., 2011; Петровская Е. Безымянные сообщества. М., 2012.

¹⁸ Вирно П. Грамматика множества. М., 2011.

¹⁹ Мосс М. Социальные функции священного. URL: <http://www.fedy-diary.ru/html/112010/07112010-09a.html>, Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология / Под ред. А. Н. Красникова. М., 1998.

дискурсу сетевых сообществ? В какой мере является он единым, или состоит из других дискурсов? При каких обстоятельствах сетевые сообщества обращаются к ценностно-политическому дискурсу? Какова роль ценностно-политического дискурса в интерпретации сетевыми сообществами значимых общественно-политических событий?

Целью нашего исследования, таким образом, является создание модели отраженного в медиасфере ценностно-политического дискурса сетевых сообществ, построенной на синтезе политологических и лингвистических теорий, раскрывающих дискурс как на макро-, так и на мезо- и микроуровне. Такая модель будет раскрывать дискурс как, во-первых, определяющий природу сетевых сообществ, а во-вторых, как определяемый ими в процессе коммуникации. Создание модели ценностно-политического дискурса сетевых сообществ поможет понять, какие явления и сопутствующие им процессы соответствуют политической дифференциации или, напротив, политической аккумуляции в пределах сетевых сообществ, какие смыслы редуцируются в результате ценностно-нагруженных артикуляционных практик.

Для достижения заявленной цели определены следующие **задачи**:

- проанализировать теории, рассматривающие политический дискурс на макро-, мезо- и микроуровнях, выявить их общие позиции;
- описать сетевые сообщества как неклассические социальные общности;
- выявить ценностно-политический дискурс, формируемый сетевыми сообществами, проанализировать его природу;
- раскрыть методологию ценностного анализа, на основе которого представить природу противоборствующих дискурсов в политическом поле современного российского общества;
- вывести новые переменные, необходимые для построения целостной модели ценностно-политического дискурса сетевых сообществ;
- проанализировать, каким образом сетевые сообщества СМИ участвуют в формировании и поддержке политических дискурсов.

Объектом исследования являются сетевые сообщества Интернет-СМИ России.

Предмет изучения – механизм функционирования ценностно-политических дискурсов в современной российской медиасреде: начиная от процесса означивания элемента из зоны дискурсивности и заканчивая его встраиванием в существующий дискурс (превращением в знак) и установкой связей с другими знаками.

Теоретической базой диссертационного исследования явились работы по теории политического дискурса (А. Н. Баранов, В. З. Демьянков, П. Б. Паршин, А. В. Дука), а также по общей теории дискурса (Э. Лакло и Ш. Муфф, Т. ван Дейк, Н. Фэркло, Д. Поттер), работы по аксиологии, политической аксиологии и аксиологии журналистики (И. И. Докучаев, В. В. Ильин, В. А. Сидоров), исследования, в которых раскрываются понятия сакрального и профанного (М. Элиаде, М. Мосс, Э. Дюркгейм), а также работы, посвященные изучению неклассических социальных общностей (Г. Малецке) и сообществ как разновидностей неклассических социальных общностей (Е. Петровская, П. Вирно, Ж.-Л. Нанси).

Эмпирическая база исследования включает в себя интерпретируемые в сетевых сообществах, включая журналистов и аудиторию СМИ, кейсы медийных фактов общественно-политических резонансных событий, которые в исследовании получили условное наименование: 1) «Крым» (политический процесс по воссоединению Крыма с Россией), 2) «Санкции/антисанкции» (политическое противостояние России и Запада в связи с фактами вхождения Крыма в состав Российской Федерации и гражданской войной на Украине), 3) «Шарли Эбдо» (теракт в редакции парижского сатирического журнала). Хронологические рамки анализа – с 28 февраля 2014 г. по 1 сентября 2015 г. – определены, с одной стороны, очень значимой для исследования датой – появление в Крыму отрядов самообороны, более известных как «вежливые люди», с другой – определенным снижением активности в изучаемых политических дискурсах.

Основными **гипотезами** работы являются следующие утверждения:

– в политическом сегменте современной российской медиасферы наблюдается столкновение двух принципиально оппозиционных по отношению друг к другу дискурсов, в одном из которых социальная жизнь переосмысливается с помощью сакральных категорий, в другом – с помощью профанных, что и приводит к их конфликту;

– структура ценностно-политического дискурса сетевых сообществ схожа со структурой ментальной модели индивида и ментальной модели сетевого сообщества как коллективного субъекта.

В работе использовались следующие **методы**:

– триггер-анализ как специфическая форма контент-анализа, заключающаяся в выявлении ценностных триггеров в текстах СМИ и анализе их на уровне сверхфразовых множеств. Данный метод используется для изучения процесса разворачивания цепочки ценностных ассоциаций в сетевых сообществах при столкновении с ценностным триггером;

– метод ценностного анализа. Данный метод применяется для сопоставления и анализа ценностей, к которым обращаются сетевые сообщества при разворачивании цепочки ценностных ассоциаций;

– метод научного моделирования. Используется для построения модели дискурса;

– дискурс-анализ (в частности, КДА – критический дискурс-анализ). Этот метод используется для выявления границ норм и отклонений в описанных нами выше дискурсах, а также для описания проблем доступа к дискурсу.

Научная новизна работы заключается в следующем:

– в работе раскрыто взаимодействие функционирующих сетевых сообществ и медийного политического дискурса;

– разработано представление о ценностно-политическом дискурсе в медийной среде;

– ценностно-политический дискурс в работе рассматривается на

трех уровнях: макроуровне (собственно дискурсивном), мезоуровне (уровне сетевых сообществ как коллективных субъектов) и микроуровне (уровне конкретного индивида, реализующего языковые практики в рамках дискурса);

– в диссертации выводится понятие ценностного триггера, которое помогает, с одной стороны, связать ценностную систему сообщества с его ментальной моделью, а с другой, дополнить метод ценностного анализа;

– сетевые сообщества проанализированы как неклассические социальные общности в противовес многочисленным попыткам вывести сетевые сообщества за предел сетей и тем самым лишить их уникальности;

– на основании известных теорий и авторских дополнений к ним построена модель ценностно-политического дискурса сетевых сообществ, аккумулирующая в себе все уровни рассмотрения дискурса.

Научно-практическая значимость работы заключается в дальнейшей разработке методологии ценностного анализа. Основные положения и выводы, сделанные в работе, могут использоваться широким кругом специалистов – практикующими журналистами, специалистами в области маркетинга социальных медиа, политтехнологами, специалистами в области агитации и пропаганды.

Результаты работы апробированы на международной конференции «Медиа в современном мире. Молодые исследователи» (2013-2014 гг.), форуме «Медиа в современном мире. Петербургские чтения» (2014 г.), международной конференции «Culture and Russian society» (21-23 October 2015, University of Helsinki, Finland) и международной конференции «Европа XXI века» (2-3 февраля 2017, Университет им. Адама Мицкевича в Познани, Польша).

Структура работы. Работа состоит из трех глав, введения, заключения и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертации, рассматривается степень ее научной разработанности, дается общая характеристика используемых источников, формулируются объект и предмет, цели и задачи исследования, теоретико-методологическая и эмпирическая база, научная новизна, положения, выносимые на защиту, научная и практическая значимость, отражается апробация результатов диссертационного исследования.

В первой главе **«Ценностно-политический дискурс в публичной сфере»** рассматриваются основные теоретические подходы к исследованию дискурса и политического дискурса в частности, а также проводится их анализ.

В первом параграфе **«Макроуровень функционирования дискурсов: постструктуралистский подход к определению ценностно-политического дискурса»** дискурс рассматривается на самом высоком уровне абстракций и через призму функционирования его во всем социуме. Анализируется постструктуралистская теория дискурса, разработанная Э. Лакло и Ш. Муфф, а также ее взаимосвязь с теоретическими работами А. Грамши.

Дискурс рассматривается как структура, состоящая из знаков, каждый из которых зафиксирован во времени в качестве момента. Фиксация производится за счет установки значений конкретного знака по отношению к другим знакам путем исключения иных значений. В таком понимании дискурс предстает ограничителем возможностей для интерпретации и дальнейшей установки связей. Все, что выходит за пределы значения знака, установленного в данном дискурсе, относится к области дискурсивности. Также показывается на конкретных примерах из медийной практики, каким образом устанавливаются значения одних политических знаков по отношению к другим.

На основе теории Лакло и Муфф автор выделяет общие черты ценностно-политического дискурса:

- ценностно-политический дискурс являет собой структуру определенного рода, в которой расположены оцениваемые знаки, связанные между собой в сеть;
- значение каждого знака устанавливается путем связи его с другими знаками через редукцию присущих ему определений;
- определение, в свою очередь, зависит от ценностной системы, лежащей в основе дискурса;
- политическая часть дискурса характеризуется слиянием базиса и надстройки, ослаблением экономической составляющей при усилении надстройки;
- уравнивание дискурса достигается путем гегемонии – установления согласия между представителями неправящего класса, выражающегося в непрерывном производстве значений, связанных с легитимностью;
- ценностно-политический дискурс, как и любой другой дискурс, ограничивает и ограничивается. Он ограничен собственными ценностями и областью дискурсивности, а ограничивает значения, приобретаемые элементами при попадании в тот или иной дискурс;
- ценностно-политический медиадискурс в большой степени испытывает влияние других дискурсов, поскольку сам по себе медиадискурс, как справедливо заметил В. А. Сидоров, расположен на пересечении социально-значимых дискурсов²⁰;
- ценностно-политическому дискурсу присуща полисемичность, которая «сказывается на выборе слов» и представляет собой «сублимацию агрессивности»²¹.

---

²⁰ Сидоров В. А. Публичный дискурс и медиасфера // Медиа накануне постсекулярного мира / Под ред. В. А. Сидорова. СПб.: ИД «Петрополис», 2014. С. 28.

²¹ Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / Когнитивные аспекты лексикографии. URL: <http://www.infolex.ru/PolDis.html>

Помимо прочего делается вывод о недостаточности рассмотрения ценностно-политического дискурса исключительно на макроуровне, игнорируя мезо- и микроуровни его функционирования.

Во втором параграфе **«Мезо- и микроуровни функционирования дискурсов: критический дискурс-анализ (КДА), дискурсивная психология и их интерпретация с позиций функционирования политических ценностей»** делается разбор подходов к изучению дискурса, работающих как с отдельными индивидами, так и с некоторыми социальными группами (например, элитами).

В рамках критического дискурс-анализа ценностно-политический дискурс воспринимается как совокупность текстов, в которых так или иначе реализуются негативные и даже деструктивные по отношению к обществу социальные феномены. Характер этого дискурса идеологически обусловлен на всех этапах его формирования и функционирования, а идеология, в свою очередь, будет являться результатом функционирования определенной ценностной системы. Иными словами, при изучении ценностно-политического дискурса в рамках КДА предстоит рассматривать не столько воспроизводство неравенства, детерминированное идеологически, а идеологические характеристики текста, которые приводят к ретрансляции в нем неравенства и прочих деструктивных социальных практик.

На микроуровне через призму дискурсивной психологии рассматривается понятие ментальных моделей мира отдельных индивидов. Отдельно рассматривается политическая модель мира, базирующаяся на ценностях. Выводится следующая проблема: политический дискурс подменяется политическим медиадискурсом. Это означает, что связи между элементами в ментальных моделях слабы и требуют подпитки через получение дополнительной информации.

Показано, что теории, рассматривающие дискурс на макро-, мезо- и микроуровнях, дополняют друг друга, но оставляют потребность в разборе с помощью комбинированного подхода к описанию дискурса теории,

занимающейся предметным изучением медиа.

В третьем параграфе **«Теория политического медиапрайминга и концепция ценностно-политических триггеров как способ описания когнитивных структур индивида»** в качестве такой теории выступает теория политического медиапрайминга, рассматриваются ее основные положения, которые в дальнейшем соотносятся с темой исследования.

С помощью теории политического медиапрайминга делается вывод о том, что ментальная политическая модель мира индивида является собой *индивидуальную модель ценностно-политического дискурса*, состоящую из узлов-нодов (смысловых и интерпретационных ячеек) и связей между ними. В своем сознании индивид формирует определение каждого знака, а при столкновении с элементом – полисемичным знаком – индивид склонен отбрасывать значения, не соотносящиеся с его ментальной моделью.

Автор приходит к выводу о необходимости дополнения теории политического медиапрайминга концепцией ценностно-политических триггеров – лексем, активирующих у индивида цепочки ценностных ассоциаций. Описываются основные черты ценностно-политических триггеров: дискурсивность, нацеленность на полисемичные знаки, ситуативность, протяженность на всех уровнях дискурса (актуальном, историко-культурном, гносеологическом)²², повторяемость и ограниченность.

Триггер несет в себе не только сам механизм активации определенного оценочного сценария, но и сценарий в целом. Триггер – не только сам смысловой узел, но и то, что следует за ним. На основании анализа вышеуказанных теорий и дополнения их автор дает определение ценностно-политического дискурса. *Ценностно-политический дискурс является собой совокупность ценностно нагруженных артикуляционных практик, возникающих и совершающихся вокруг отношений власти, доминирования и*

---

²² Сидоров В. А. Публичный дискурс и медиасфера // Медиа накануне постсекулярного мира. С. 30.

подчинения, государственной организации общества, политических институтов, норм и принципов.

Во второй главе **«Сетевые сообщества как неклассические социальные общности»** в исследовании делается переход от уровня отдельных индивидов к уровню сообществ. Сетевые сообщества рассматриваются как неклассические социальные общности, при исследовании которых необходимо учитывать их специфические особенности.

В первом параграфе **«Сетевые сообщества как множества»** рассматривается и анализируется применительно к сообществам сетевых СМИ идея П. Вирно о том, что новые социальные общности потеряли единое и стремятся вновь обрести его – но уже не за счет государства, а за счет «общих способностей, присущих человеческому роду»²³. В целом, сообщества нового типа в современной науке чаще всего описываются именно как множества, стремящиеся обрести единство, но уже не за счет государства, обеспечивающего группу людей категорией «народа», а за счет универсальных человеческих качеств. Несмотря на такое стремление к деполитизации, потеря ориентиров становится важной составляющей при описании неклассических социальных общностей.

С помощью исследования теорий П. Вирно, Д. Сибрука и французского философа Ж.-Л. Нанси автор выводит основные черты сетевых сообществ:

– *сетевые сообщества выступают как множества.* Внутренняя множественность сообществ говорит о том, что единство, характерное для сообществ классического типа, не работает в неклассических социальных общностях, к которым относятся и сетевые сообщества. Так, например, в сообществах-множествах уже не работает категория «народности», которая обеспечивается государством. В итоге делается вывод о наличии «всеобщего» интеллекта, управляющего сообществом;

– *онтологически сетевое сообщество – это реальная позиция*

---

²³ Вирно П. Грамматика множества / пер. с ит. М., 2013. С. 17.

существования, актуализированная за счет бытия-со-вместно. Бытие-со-вместно определяет природу всех действий сообщества – как направленных во внешнюю (например, политическую) по отношению к сообществу среду, так и направленных на осуществление деятельности внутри сообщества. Таким образом, мы можем говорить, например, о со-понимании или со-интерпретации политических фактов;

– *крупные сетевые сообщества (например, сообщества сетевых СМИ) носят скорее закрытый, чем открытый характер.* Если по направлению «на вход» подавляющее большинство сообществ реализует стратегию открытости, то, получив аудиторию, стратегии работы с индивидами, составляющими сообщество, меняются на удержание.

Во втором параграфе **«Преодоление множественности за счет совместной интерпретации ценностных триггеров»** показывается, каким образом сетевые сообщества самоорганизуются и преодолевают некоторые особенности, которые не позволяют выйти им за пределы сетей.

Автор следует за теорией А. Грамши о производстве согласия, отмечая, что политическую деятельность сетевых сообществ (и сообществ сетевых СМИ) можно описать как политическое «со-гласие». Политическое со-гласие – это многоголосье, которое слышно на определенном участке киберпространства в определенный промежуток «кибервремени» в результате совместной интерпретации политической информации членами сетевого сообщества. Отмечается, что политическое со-гласие в сетевых СМИ – это совместное использование форм активации в рамках сообщества сетевого СМИ, которое производит не одну точку зрения по поводу получаемой политической информации в рамках не одного дискурса. Политическое со-гласие возникает не там, где существует и доминирует только один ценностно-политический дискурс, а там, где сталкиваются противоборствующие ценностно-политические дискурсы. Именно поэтому, по мнению автора, на политическое со-гласие ориентированы, прежде всего, крупные СМИ – они охватывают сразу несколько ценностно-политических

дискурсов, и вероятность столкновения противоположных интерпретаций повышается. Понятие политического «со-гласия» как процесса дополняется понятием «шумихи» (коммуникативного взрыва) как результата этого процесса.

В третьем параграфе **«Сакральный и профанный дискурсы в сетевых сообществах»** показывается, к чему приводит со-интерпретация сообществами сетевых СМИ политических фактов.

Автор отмечает, что в настоящее время политический дискурс русскоязычных сетевых сообществ представляет собой единство и борьбу двух дискурсов: сакрального и профанного.

Основными чертами сакрального дискурса являются:

– установка исключительностей – то есть, тех категорий, которые должны интерпретироваться однозначно. Сакральный дискурс не может быть дискурсом сомневающих: для своих элементов он уже определил значения, и индивидам в данном дискурсе остается лишь принимать эту данность;

– противостояние «технологическому рационализму». Сакральный дискурс покоится на вере, он не допускает исключительности разума, подменяя ее множеством других – более мелких в категориальном плане и не всегда реальных – исключительностей;

– отсутствие согласия с профанным. Точки сосуществования возможны тогда и только тогда, когда оба дискурса допускают многозначность элементов из области дискурсивности. Сакральный ценностно-политический дискурс подобной многозначности не допускает, в нем уже заложены необходимые значения;

– социальность. Сакральное существует в обществе. Более того, сакральный дискурс – это социальный дискурс, который может проникать во все сферы жизни общества, включая политическую;

– нагруженность ценностями. Мосс определил ценностное суждение как результат выражения социальных чувств. При этом выражении объекты материального мира наделяются иррациональными чертами, что

приводит к их сакрализации. Сакральный ценностно-политический дискурс, как мы определили, социален, а потому может наделять иррациональными качествами объект из любой общественной сферы, включая политическую;

– связь с коллективным разумом. Сакральность должна постоянно подтверждать себя для индивида и для сообщества.

Для профанного дискурса характерны следующие особенности:

– в противовес вертикальному сакральному, он горизонтален. Это дискурс интерпретаций и дискуссий;

– он признает в качестве легитимных ограничителей только те, которые носят легальный характер. Профанный дискурс не признает «дух закона»;

– профанный дискурс тяготеет к либеральным ценностям. Вообще, профанный дискурс трудно представить вне «треугольника» «демократия-капитализм-либерализм».

В третьей главе **«Ценностно-политические триггеры в современной российской медиасфере: внедрение, становление и развитие»** на основе полученных ранее данных рассматриваются кейсы актуальных политических событий.

В общей сложности было проанализировано 1113 комментариев к 418 материалам как федеральных СМИ («Лента», «Медуза», «Российская газета», «RussiaToday», «РБК», «Лентач» и др.), так и региональных («Южный Урал», «Тарское Прииртышье», «Фонтанка.ру», «ЗАКС.ру» и др.)

Из 418 рассмотренных материалов 51 (12%) остался без комментариев как на сайте, так и в сообществах издания в социальных сетях (если таковые имелись). Делается вывод о том, что коммуникативная активность сообществ сетевых СМИ находится на достаточно высоком уровне.

Из 367 прокомментированных материалов 29 (8%) имели комментарии только на сайте издания при отсутствии комментариев (или самого сообщества) в социальных сетях. 159 (43%) материалов имели комментарии только в социальных сетях, 179 (49%) материалов имели комментарии как на сайте издания, так и в социальных сетях. Очевидно, что социальные сети

становятся главным инструментом по генерации «шумихи», в то время как сами СМИ выдают информационные поводы для генерации «шумихи».

Данный вывод подтверждается тем фактом, что из 1113 проанализированных нами комментариев 731 (66%) был обнаружен нами в социальных сетях, а 382 (34%) – на сайтах изданий.

Также рассматривалась активность сетевых сообществ. Для этого мы разделили их на три группы: малые (до 10 000 пользователей), средние (от 10 000 до 100 000 пользователей) и крупные (более 100 000 пользователей). Логично, что больше всего комментариев было оставлено в крупных сообществах – 511 (70%). В средних сообществах было оставлено 156 комментариев (21%), в малых – 64 (9%).

При усреднении количества пользователей в рассмотренных сообществах до 5 000 для малых, до 50 000 для средних и 500 000 для крупных выяснилось, что в малых сообществах усредненный индекс активности (результат деления количества комментариев на количество пользователей) составляет 0,0128 комментариев на пользователя, в средних – 0,00312 комментариев на пользователя, в крупных – 0,001022 комментария на пользователя.

Таким образом, активнее генерируют «шумиху», а, следовательно, более склонны к ее преодолению, малые сообщества, в которые входят, как правило, сообщества региональных СМИ или изданий, репрезентирующих узкие, зачастую маргинальные идеологии. Средние и крупные сообщества генерируют «шумиху» количественно, но не качественно, им труднее преодолеть ее, выйдя за пределы медийной среды именно в качестве гомогенного сообщества, а не конкретных индивидов.

В первом параграфе **«Ценностный триггер “Charlie Hebdo”:** **установка и политизация в российской медиасфере»** рассмотрены и проанализированы материалы российских СМИ и реакция сетевых сообществ на них, посвященные атаке на редакцию французского сатирического журнала «Charlie Hebdo».

Выводится линейная модель механизма триггеризации:

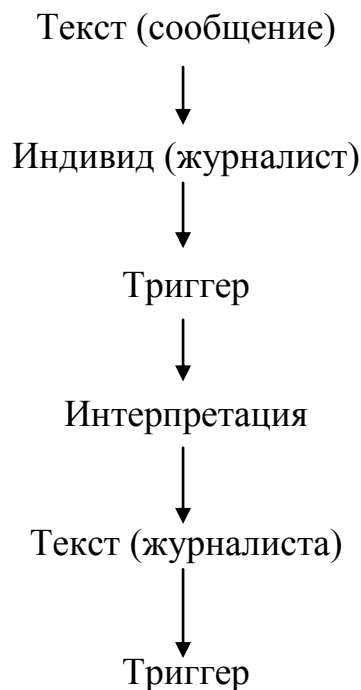

Рис. 2.: Линейная модель механизма триггеризации.

Автор описывает следующие этапы становления триггера в медиасфере:

1. умозрительный, заключающийся в выделении из чистого события сжатой лингвистической конструкции, пригодной для аккумуляции контекста;
2. попадание события в медиадискурс;
3. аккумуляция контекста. Появление интерпретаций события приводит к борьбе дискурсов, каждый из которых стремится оставить конкурирующий дискурс в области дискурсивности – пространстве «добавочных значений, возникающих в артикуляционной практике, то есть значений, которые имеет или имел каждый знак, но которые исключены определенным дискурсом ради создания единства значения»²⁴;
4. соотнесение с сакральным и профанным дискурсами. На данном этапе оформляются две позиции, которые названы «Я – Шарли» и «Я – не Шарли».

Табл. 1. Точки ценностного единства в материалах сетевых СМИ, посвященных нападению на «Charlie Hebdo»

Позиция	«Я – Шарли»	«Я – не Шарли»
---------	-------------	----------------

²⁴ Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дискурс-анализ: теория и метод. С. 57.

Высшая идентичность	Профанный характер.	Сакральный характер.
Ценности	Политические: свобода слова, единство, свобода самовыражения, жизнь, человек.	Религиозные: смирение, аскеза, свобода вероисповедания, жизнь, Бог.
Лингвистические средства	Лексемы, связанные с лишением жизни, главным образом, «убийство»	Конструкция: «Да, но».
Категория «зла»	Убийцы, фундаментализм.	Карикатуры.
Действия (выход за сетевое сообщество)	Марш Республики, митинги в память о погибших, возложение цветов к посольству Франции.	Митинги против религиозных карикатур, убийство Бориса Немцова.

Во втором параграфе **«Становление ценностного триггера в российской медиасфере (на примере лексем «санкции» и «антисанкции»)»** показывается, как триггер может трансформировать цепочки ценностных ассоциаций в зависимости от политической обстановки, связанной с введением странами ЕС и США экономических санкций по отношению к России в связи с вхождением Крыма в состав Российской Федерации и ответными мерами России – антисанкциями.

Автор раскрывает интерпретации политического триггера «санкции» в сакральном дискурсе:

1. Как трудности, которые нужно преодолеть. «Трудность» – категория еще не сакральная, но уже близка к ней, поскольку соседствует с истинно сакральной категорией «испытания». В этой логике, санкции представляют собой испытание, которое Россия как политически сильная держава успешно пройдет.
2. В сакральном дискурсе концепт «испытания» оказывается недостаточен для интерпретации триггера «санкций». Выясняется, что и смирения недостаточно для восприятия трудностей. Поэтому ценностные цепочки суждений обращены в сторону политических антагонистов – государств, принявших санкции в отношении России.
3. Так как сакральный дискурс является дискурсом согласия-в-себе, он предполагает поощрение за поддержку себя и наказание за

оппозиционность. В случае с санкциями сакральный дискурс обнаруживает классически-сакральный оптимизм: санкции не просто являются испытанием для России и ее граждан, санкции не просто создают трудности для тех, кто их ввел, – санкции еще и являются катализатором для социального и политического развития России (в русле сакральности), то есть, считается, идут на благо самому государству.

4. Слабо выражена, но, тем не менее, присутствует в сакральном дискурсе интерпретация санкций через пессимистические настроения.

В профанном дискурсе интерпретация триггера «санкции» ведется следующим образом:

1. В профанном дискурсе санкции не могут быть «испытанием», они по умолчанию считаются работающим инструментом политического и экономического давления.
2. Оптимизм, характерный для сакрального дискурса, в профанном дискурсе меняется на пессимизм. Если санкции воспринимаются как вред для российской экономики и серьезный политический удар, то помочь может только их отмена, которой в ближайшее время не предвидится. До тех пор, пока санкции не отменены, экономика России и ее политическое положение в мире находится под ударом.
3. В отличие от сакрального дискурса, в профанном дискурсе Россия показывается как страна, в отношении которой санкции представляются обоснованной мерой.

Триггер «антисанкции» интерпретируется в сакральном дискурсе по следующему сценарию:

1. Сакральный дискурс интерпретирует «антисанкции» как политический ответ. Более того, в сакральном дискурсе ответный характер российского эмбарго – первая «остановка» в цепочке ценностных ассоциаций. Иными словами, «анти-» превалирует над «санкциями».
2. В сакральном дискурсе триггер «антисанкции» может распространиться на любые другие триггеры, имеющие отношение к оппозиционным

дискурсам, даже если эти триггеры не имеют отношение к собственно продуктовому эмбарго.

3. В сакральном дискурсе упор сделан на эффект от введенного эмбарго.

Наконец, в профанном дискурсе интерпретация триггера «антисанкции» ведется так:

1. Большинство сообщений профанных СМИ о продуктовом эмбарго посвящены подсчету убытков России от введенных ограничений. Подчеркивается высокий уровень продуктовой инфляции (как и в случае с триггером «санкции»), указывается на обеднение ассортимента и слабый эффект в рамках импортозамещения.
2. В противовес сакральному дискурсу, в котором антисанкции России предстают для Европы «катастрофой»²⁵, в профанных СМИ сдерживаются в оценках ущерба, который несут европейские страны. Более того, в некоторых СМИ даже появляется информация о выгоде, которую Европа получает от антисанкций.
3. В профанном дискурсе большое внимание уделяется социальным и культурным последствиям санкционной войны, а политические последствия отходят на второй план (так как они уже интерпретированы с помощью ценностно-политического триггера «санкции»).

В третьем параграфе **«Априори конфликтный Крым: повторная актуализация ценностно-политического триггера в медиасфере»** показывается, каким образом триггер может вернуться в медиасферу под влиянием геополитических событий.

Также в параграфе отмечены основные точки со-интерпретации триггера «Крым» сетевыми сообществами в сакральном и профанном дискурсах.

В сакральном дискурсе:

1. «Крым» сакрализуется, главным образом, через историю. Его легальный

---

²⁵ Российские антисанкции стали катастрофой для европейских стран // Вести.ру. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1899541>

статус как части Украины оспаривается, а аргументом выступает кровь, пролитая русскими за этот полуостров. Таким образом, сообщество легитимирует присоединение Крыма к России через неактуальные политические события, что приводит к очередному политологическому конфликту между легальностью и легитимностью.

2. В сакральном дискурсе триггер «Крым» вызывает немедленные ассоциативные связи / интерпретации, поскольку территория полуострова связана со священными для русской истории местами. Геополитические изменения объясняются не через область политического знания, а через религию, что, в свою очередь, увеличивает разрыв между легальным и легитимным.
3. Сакральный дискурс через триггер «Крым» реализует конфликтные политические интерпретации: Россия ведет холодную войну (не по своей воле) с Западом, у границ России идет настоящая война, и русские люди в опасности – следовательно, их нужно защитить. Данный пункт можно соотнести с пунктом 1: для сакрализованных сообществ триггер «Крым» с политической точки зрения воспринимается через призму постоянных войн, что находит отражение в интерпретации актуальных политических событий.
4. Потребность в защите активизирует архетип агрессора, существующего вне сакрального дискурса и потому подлежащего уничтожению (не обязательно физическому). С этой точки зрения сетевые сообщества функционируют в рамках политического дискурса, который, как показано ранее, немислим без образа противника.
5. В отличие от триггера «санкции/антисанкции», «Крым» стал победой сакрального дискурса на поле «массовой культуры». Политическая со-интерпретация этого триггера сетевыми сообществами нашла отражение и в многочисленных иконографического порядка медиавирусах. Основным антагонистом выступает Украина как государство – высмеиваются ее национальные символы (например, флаг), этнокультурная идентичность

(насмешки над украинским языком) и военные институты.

6. В рассмотренных текстах легальность почти не выступает в качестве главной темы, однако активно используется как вспомогательная интерпретация. Сообщество воспринимает политическую легальность только в одном случае – когда утверждает легитимность присоединения Крыма.
7. Наконец, присоединение Крыма к России рассматривается в сакральном дискурсе как очередная военная и геополитическая победа. Данный пункт соотносится с пунктами 1 и 3. Военные институты в сакральном дискурсе окончательно сливаются с государственными, а история – с современностью.

В профанном дискурсе триггер «Крым» запускает следующие цепочки ценностно-политических ассоциаций:

1. Основной упор делается на нелегальность (и, следовательно, нелегитимность) присоединения Крыма. Референдум не признается, поскольку не был согласован с Украиной, и профанизированные сетевые сообщества выводят категорию легитимности через легальность (точнее – нелегальность).
2. В профанном дискурсе рассматриваются экономические и политические последствия присоединения Крыма к России, причем в негативном ключе. С политической точки зрения здесь сетевые сообщества обращаются к актуальным политическим событиям, редуцируя исторический контекст.
3. Автор отмечает, что профанный дискурс проиграл борьбу сакральному на поле «массовой культуры». Профанный дискурс, интерпретируя триггер «Крым», в меньшей степени апеллирует к эмоциям, нежели сакральный. Сетевые сообщества, профанизируя триггер «Крым», отказываются также и от каких-либо его юмористических интерпретаций.
4. В то же время, даже внутри профанного дискурса нет единства по поводу статуса Крыма, что, безусловно, ослабляет его. Отсутствие единства обусловлено самой природой профанного дискурса, нуждающегося в

инакомыслии внутри себя. Так, некоторые представители российской оппозиции, а также пользователи сети, интерпретирующие события в Крыму в рамках профанного дискурса, легитимируют его присоединение к России, несмотря на утверждаемую в этом же дискурсе нелегальность такого присоединения в соответствии с нормами международного права.

В **Заключении** подведены итоги исследования, сформулированы основные выводы, предложены перспективы изучения данной предметной области.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Сетевые сообщества являют собой особый тип политического актора, замкнутого на самого себя и осуществляющего свою деятельность в сети за счет создания политической «шумихи». При этом ряд сообществ стремится к преодолению своей замкнутости и выходу за пределы сети, осуществляя реальные политические действия.
2. Специфика сетевых сообществ предопределяет появление в них нового политического значения дискурса.
3. Ценностно-политический дискурс сетевых сообществ российских СМИ включает в себя два противоборствующих дискурса – сакральный и профанный. Они принципиально несовместимы и потому всегда будут находиться в оппозиции друг к другу.
4. Сетевые сообщества являют собой неклассические социальные общности, которые характеризует отсутствие строгой иерархии, дисперсность аудитории и ее подвижность. Сетевые сообщества реализуют специфическую коммуникативную деятельность – со-интерпретацию знаков, появляющихся в информационном поле, – в результате чего поддерживают профанный или сакральный дискурс.
5. Сетевые сообщества со-интерпретируют особые лексемы, в которых заложен оценочный потенциал, – ценностные триггеры. Встретив триггер в тексте, член сообщества активирует цепочку ассоциаций, ведущую к конкретным ценностям. Либо, если ментальные связи, относящиеся к

встреченному триггеру, недостаточно укреплены, соглашается или не соглашается с автором, начиная выстраивать новую цепочку ассоциаций.

**Основные положения диссертации
отражены в следующих публикациях автора**

Статьи в ведущих рецензируемых научных изданиях

1. *Курушкин С. В.* Ценностная идентификация триггера «CharlieHebdo» в инновационной медиасреде России // *Инновации и инвестиции*. 2015. № 6.
2. *Курушкин С. В.* Культура многоточий: влияние технологий на нарративные возможности сетевых СМИ // *Образование. Наука. Научные кадры*. 2015. № 3.
3. *Курушкин С. В.* Ценностные триггеры как механизм политизации массовой культуры (на примере конкурса песни Евровидение-2014) // *Наука и бизнес: пути развития*. 2015. № 11 / URL: [http://globaljournals.ru/assets/files/journals/science-and-business/53/sb-11\(53\)-2015-main.pdf](http://globaljournals.ru/assets/files/journals/science-and-business/53/sb-11(53)-2015-main.pdf)
4. *Nigmatullina K., Sidorov V., Kurushkin S., Ivanyan R.* Dynamics of Political Meanings: Interpretation and Understanding in Journalism // *Indian Journal of Science and Technology*. 2016, Vol 9 (14) / URL: <http://www.indjst.org/index.php/indjst/article/view/91088/68622>

Другие научные публикации автора

5. *Курушкин С. В.* Функционирование сообществ сетевых СМИ: ценностно-политический ракурс // *Средства массовой информации в современном мире: молодые исследователи. Материалы 12-й международной конференции студентов и аспирантов*. СПб., 2013 г.

6. *Курушкин С. В.* Особенности трансформации аудитории сетевых СМИ // Украинські мас-медіа: традиції та виклики сьогодення. Збірник матеріалів Всеукраїнської науково-практичної студентської конференції. Львов, 2012 г.
7. *Косов А. Г., Курушкин С. В., Соболева Н. А.* Электоральная социология в сетевых СМИ // Актуальные проблемы медиасреды: функциональные, тематические, профессиональные аспекты. Взгляд молодых исследователей: межвузовский сборник научных работ студентов и аспирантов. СПб., 2012 г.
8. *Гришанина А. Н., Курушкин С. В.* Сетевой читатель // Сетевые СМИ российского мегаполиса. СПб., 2011 г.